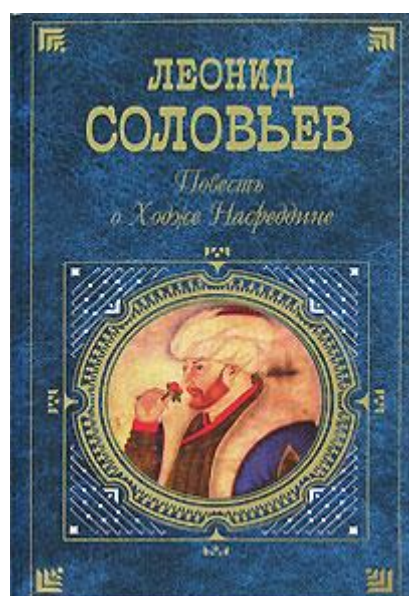

Леонид Васильевич Соловьев
Возмутитель спокойствия
Серия «Повесть о Ходже Насреддине», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122915
Повесть о Ходже Насреддине: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-23420-2*

Аннотация

Ходжа Насреддин, веселый бродяга тридцати пяти лет от роду, в зените своей славы возвращается в Бухару. Он остр на язык и гибок умом, он любит простых людей и ненавидит несправедливость. Недаром от одного его имени трепещут правители средней Азии.

Но в родном городе его не ждет спокойная жизнь. Эмир Бухары и его приближенные не дают жизни своим подданным.

Первая книга Леонида Соловьева о похождениях веселого народного героя, основанная на народных анекдотах о великом защитнике простого люда Ходже Насреддине.

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	7
Глава третья	10
Глава четвертая	12
Глава пятая	17
Глава шестая	20
Глава седьмая	25
Глава восьмая	28
Глава девятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Леонид Васильевич Соловьев

Возмутитель спокойствия

Памяти моего незабвенного друга Мумина Адилова, погибшего 18 апреля 1930 года в горном кишлаке Нанай от подлой вражеской пули, посвящаю, благоговей перед его чистой памятью, эту книгу.

В нем были многие и многие черты Ходжи Насреддина – беззаветная любовь к народу, смелость, честное лукавство и благородная хитрость, – когда я писал эту книгу, не один раз мне казалось в ночной тишине, что его тень стоит за моим креслом и направляет мое перо.

Он похоронен в Канибадаме. Я посетил недавно его могилу; дети играли вокруг холма, поросшего весенней травой и цветами, а он спал вечным сном и не ответил на призывы моего сердца...

И сказал ему я: «Для радости тех, что живут со мною на земле, я напишу книгу, – пусть на ее листы не дуют холодные ветры времени, пусть светлая весна моих стихов никогда не сменяется унылой осенью забвенья!..» И – посмотри! – еще розы в саду не осыпались, и я еще хожу без клюки, а книга «Гюлистан», что значит «Цветник роз», уже написана мною, и ты читаешь ее...

Саади

Эту историю передал нам Абу-Омар-Ахмед-ибн-Мухаммед со слов Мухаммеда-ибн-Али-Рифаа, ссылавшегося на Али-ибн-Абд-аль-Азиза, который ссылался на Абу-Убейда-аль-Хасима-ибн-Селяма, говорившего со слов своих наставников, а последний из них опирается на Омара-ибн-аль-Хаттаба и сына его Абд-Аллаха, – да будет доволен аллах ими обоими!

Ибн-Хазм, «Ожерелье голубки»

Часть первая

Рассказывают также, что один простак шел, держа в руке узду своего осла, которого он вел за собою.

Триста восемьдесят восьмая ночь Шахразады

Глава первая

Тридцать пятый год своей жизни Ходжа Насреддин встретил в пути.

Больше десяти лет провел он в изгнании, странствуя из города в город, из одной страны в другую, пересекая моря и пустыни, ночуя как придется – на голой земле у скудного пастушеского костра или в тесном караван-сараях, где в пыльной темноте до утра вздыхают и чешутся верблюды и глухо позвякивают бубенцами, или в чадной, закопченной чайхане, среды лежащих вповалку водоносов, нищих, погонщиков и прочего бедного люда, с наступлением рассвета наполняющего своими пронзительными криками базарные площади и узкие улочки городов. Нередко удавалось ему ночевать и на мягких шелковых подушках в гареме какого-нибудь иранского вельможи, который как раз в эту ночь ходил с отрядом стражников по всем чайханам и караван-сараям, разыскивая бродягу и богохульника Ходжу

Насреддина, чтобы посадить его на кол... Через решетку окна виднелась узкая полоска неба, бледнели звезды, предутренний ветерок легко и нежно шумел по листве, на подоконнике начинали ворковать и чистить перья веселые горлинки. И Ходжа Насреддин, целуя утомленную красавицу, говорил:

– Пора. Прощай, моя несравненная жемчужина, и не забывай меня.

– Подожди! – отвечала она, смыкая прекрасные руки на его шее. – Разве ты уходишь совсем? Но почему? Послушай, сегодня вечером, когда стемнеет, я опять пришлю за тобой старуху.

– Нет. Я уже давно забыл то время, когда проводил две ночи подряд под одной крышей. Надо ехать, я очень спешу.

– Ехать? Разве у тебя есть какие-нибудь неотложные дела в другом городе? Куда ты собираешься ехать?

– Не знаю. Но уже светает, уже открылись городские ворота и двинулись в путь первые караваны. Ты слышишь – звенят бубенцы верблюдов!.. Когда до меня доносится этот звук, то словно джинны вселяются в мои ноги, и я не могу усидеть на месте!

– Уходи, если так! – сердито говорила красавица, тщетно пытаясь скрыть слезы, блесшие на ее длинных ресницах. – Но скажи мне хоть свое имя на прощание.

– Ты хочешь знать мое имя? Слушай, ты провела ночь с Ходжой Насреддином! Я Ходжа Насреддин, возмутитель спокойствия и сеятель раздоров, тот самый, о котором ежедневно кричат глашатаи на всех площадях и базарах, обещая большую награду за его голову. Вчера обещали три тысячи туманов, и я подумал даже – не продать ли мне самому свою собственную голову за такую хорошую цену. Ты смеешься, моя звездочка, ну, дай мне скорее в последний раз твои губы. Если бы я мог, то подарил бы тебе изумруд, но у меня нет изумруда, – возьми вот этот простой белый камешек на память!

Он натягивал свой рваный халат, прожженный во многих местах искрами дорожных костров, и удалялся потихоньку. За дверью громко храпел ленивый, глупый евнух в чалме и мягких туфлях с загнутыми кверху носами – нерадивый страж главного во дворце сокровища, доверенного ему. Дальше, врасяжку на коврах и кошмах, храпели стражники, положив головы на свои обнаженные ятаганы. Ходжа Насреддин прокрадывался на цыпочках мимо, и всегда благополучно, словно бы становился на это время невидимым.

И опять звенела, дымилась белая каменистая дорога под бойкими копытами его ишака. Над миром в синем небе сияло солнце; Ходжа Насреддин мог не шурясь смотреть на него. Росистые поля и бесплодные пустыни, где белеют полужанесенные песком верблюжьи кости, зеленые сады и пенистые реки, хмурые горы и зеленые пастбища слышали песню Ходжи Насреддина. Он уезжал все дальше и дальше, не оглядываясь назад, не жалея об оставленном и не опасаясь того, что ждет впереди.

А в покинутом городе навсегда оставалась жить память о нем.

Вельможи и муллы бледнели от ярости, слыша его имя; водоносы, погонщики, ткачи, медники и седельники, собираясь по вечерам в чайханах, рассказывали друг другу смешные истории о его приключениях, из которых он всегда выходил победителем; томная красавица в гареме часто смотрела на белый камешек и прятала его в перламутровый ларчик, услышав шаги своего господина.

– Уф! – говорил толстый вельможа и, пыхтя и сопя, начинал стаскивать свой парчовый халат. – Мы все вконец измучились с этим проклятым бродягой Ходжой Насреддином: он возмутил и взбаламутил все государство! Я получил сегодня письмо от моего старинного друга, уважаемого правителя Хорасанской округи. Подумать только – едва этот бродяга Ходжа Насреддин появился в его городе, как сразу же кузнецы перестали платить налоги, а содержатели харчевен отказались бесплатно кормить стражников. Мало того – этот вор, осквернитель ислама и сын греха, осмелился забраться в гарем хорасанского правителя и

обесчестить его любимую жену! Поистине, мир еще не видывал подобного преступника! Жалею, что этот презренный оборванец не попытался проникнуть в мой гарем, а то бы его голова давным-давно торчала на шесте посредине главной площади!

Красавица молчала, затаенно улыбалась, – ей было и смешно и грустно. А дорога все звенела, дымилась под копытами ишака. И звучала песня Ходжи Насреддина. За десять лет он побывал всюду: в Багдаде, Стамбуле и Тегеране, в Бахчисарае, Эчмиадзине и Тбилиси, в Дамаске и Трапезунде, он знал все эти города и еще великое множество других, и везде он оставил по себе память.

Теперь он возвращался в свой родной город, в Бухару-и-Шериф, в Благородную Бухару, где рассчитывал, скрываясь под чужим именем, отдохнуть немного от бесконечных скитаний.

Глава вторая

Присоединившись к большому купеческому каравану, Ходжа Насреддин пересек бухарскую границу и на восьмой день пути увидел вдали в пыльной мгле знакомые минареты великого, славного города.

Хрипло закричали измученные жаждой и зноем караванщики, верблюды прибавили шаг: солнце уже садилось, и надо было спешить, чтобы войти в Бухару раньше, чем закроют городские ворота. Ходжа Насреддин ехал в самом хвосте каравана, окутанный густым, тяжелым облаком пыли; это была родная, священная пыль; ему казалось, что она пахнет лучше, чем пыль других, далеких земель. Чихая и откашливаясь, он говорил своему ишаку:

– Ну вот, мы наконец дома. Клянусь аллахом, нас ожидают здесь удача и счастье.

Караван подошел к городской стене как раз в ту минуту, когда стражники запирали ворота. «Подождите, во имя аллаха!» – закричал караван-баши, показывая издали золотую монету. Но ворота уже сомкнулись, с лязгом упали засовы, и часовые стали на башнях около пушек. Потянуло прохладным ветром, в туманном небе погас розовый отблеск, и ясно обозначился тонкий серп молодого месяца, и в сумеречной тишине со всех бесчисленных минаретов понеслись высокие, протяжные и печальные голоса муэдзинов, призывавших мусульман к вечерней молитве.

Купцы и караванщики стали на колени, а Ходжа Насреддин со своим ишаком отошел потихоньку в сторону.

– Этим купцам есть за что благодарить аллаха; они сегодня пообедали и теперь собираются ужинать. А мы с тобой, мой верный ишак, не обедали и не будем ужинать; если аллах желает получить нашу благодарность, то пусть пошлет мне миску плова, а тебе – сноп клевера!

Он привязал ишака к придорожному дереву, а сам лег рядом, прямо на землю, положив под голову камень. Глазам его открылись в темно-прозрачном небе сияющие сплетения звезд, и каждое созвездие было знакомо ему: так часто за десять лет он видел над собой открытое небо! И он всегда думал, что эти часы безмолвного мудрого созерцания делают его богаче самых богатых, и хотя богатый ест на золотых блюдах, но зато и ночевать он должен непременно под крышей, и ему не дано в полночь, когда все затихает, почувствовать полет земли сквозь голубой и прохладный звездный туман...

Между тем в караван-сараях и чайханах, примыкавших снаружи к зубчатой городской стене, загорелись костры под большими котлами, и жалобно заблеяли бараны, которых потащили на убой. Но опытный Ходжа Насреддин предусмотрительно устроился на ночлег с наветренной стороны, чтобы запах пищи не дразнил и не беспокоил его. Зная бухарские порядки, он решил побереечь последние деньги, чтобы заплатить утром пошлину у городских ворот.

Он долго ворочался, а сон все не шел к нему, и причиной бессонницы был вовсе не голод. Ходжу Насреддина томили и мучили горькие мысли, даже звездное небо не могло сегодня утешить его.

Он любил свою родину, и не было в мире большей любви у этого хитрого весельчака с черной бородкой на медно-загорелом лице и лукавыми искрами в ясных глазах. Чем дальше от Бухары скитался он в заплатанном халате, засаленной тюбетейке и порванных сапогах, тем сильнее он любил Бухару и тосковал по ней. В своем изгнании он все время помнил узкие улочки, где арба, проезжая, боронит по обе стороны глиняные заборы; он помнил высокие минареты с узорными изразцовыми шапками, на которых утром и вечером горит огненный блеск зари, древние священные карагачи с чернеющими на сучьях огромными гнездами аистов; он помнил дымные чайханы над арыками, в тени лепечущих тополей, дым и

чад харчевен, пеструю сутолоку базаров; он помнил горы и реки своей родины, ее селения, поля, пастбища и пустыни, и когда в Багдаде или в Дамаске он встречал соотечественника и узнавал его по узору на тюбетейке и по особому покрою халата, сердце Ходжи Насреддина замирало и дыхание стеснялось.

Вернувшись, он увидел свою родину еще более несчастной, чем в те дни, когда покинул ее. Старого эмира давно похоронили. Новый эмир за восемь лет сумел вконец разорить Бухару. Ходжа Насреддин увидел разрушенные мосты на дорогах, убогие посевы ячменя и пшеницы, сухие арыки, дно которых потрескалось от жары. Поля дичали, зарастали бурьяном и колючкой, сады погибали от жажды, у крестьян не было ни хлеба, ни скота, нищие вереницами сидели вдоль дорог, вымаливая подавание у таких же нищих, как сами. Новый эмир поставил во всех селениях отряды стражников и приказал жителям бесплатно кормить их, заложил множество новых мечетей и приказал жителям достраивать их, – он был очень набожен, новый эмир, и дважды в год обязательно ездил на поклонение праху святейшего и несравненного шейха Богаэддина, гробница которого высилась близ Бухары. В дополнение к прежним четырем налогам он ввел еще три, установил плату за проезд через каждый мост, повысил торговые и судебные пошлины, начеканил фальшивых денег... Приходили в упадок ремесла, разрушалась торговля: невесело встретила Ходжу Насреддина его любимая родина.

...Рано утром со всех минаретов опять запели муэдзины; ворота открылись, и караван, сопровождаемый глухим звоном бубенцов, медленно вошел в город.

За воротами караван остановился: дорогу преградили стражники. Их было великое множество – обутых и босых, одетых и полуголых, еще не успевших разбогатеть на эмирской службе. Они толкались, кричали, спорили, заранее распределяя между собой наживу. Наконец из чайханы вышел сборщик пошлин – тучный и сонный, в шелковом халате с засаленными рукавами, в туфлях на босу ногу, со следами невожатности и порока на оплывшем лице. Окинув жадным взглядом купцов, он сказал:

– Приветствую вас, купцы, желаю вам удачи в торговых делах. И знайте, что есть повеление эмира избивать палками до смерти каждого, кто утаит хоть самую малость товара!

Купцы, охваченные смущением и страхом, молча поглаживали свои крашенные бороды. Сборщик повернулся к стражникам, которые от нетерпения давно уже приплясывали на месте, и пошевелил толстыми пальцами. Это был знак. Стражники с гиком и воем кинулись к верблюдам. В давке и спешке они перерубали саблями волосяные арканы, звучно вспарывали тюки, выбрасывали на дорогу парчу, шелк, бархат, ящики с перцем, чаем и амброй, кувшины с драгоценным розовым маслом и тибетскими лекарствами.

От ужаса купцы лишились языка. Через две минуты осмотр окончился. Стражники выстроились позади своего начальника. Халаты их топорщились и отдувались. Начался сбор пошлин за товары и за въезд в город. У Ходжи Насреддина товаров не было; с него полагалась пошлина только за въезд.

– Откуда ты пришел и зачем? – спросил сборщик. Писец обмакнул в чернильницу гусиное перо и приготовился записать ответ Ходжи Насреддина.

– Я приехал из Испагани, о пресветлый господин. Здесь, в Бухаре, живут мои родственники.

– Так, – сказал сборщик. – Ты едешь в гости к своим родственникам. Значит, ты должен заплатить гостевую пошлину.

– Но я еду к своим родственникам не в гости, – возразил Ходжа Насреддин. – Я еду по важному делу.

– По делу! – вскричал сборщик, и в глазах его мелькнул блеск. – Значит, ты едешь в гости и одновременно по делу! Плати гостевую пошлину, деловую пошлину и пожертвуй на украшение мечетей во славу аллаха, который сохранил тебя в пути от разбойников.

«Лучше бы он сохранил меня сейчас, а от разбойников я бы как-нибудь и сам убе-
регся», – подумал Ходжа Насреддин, но промолчал: он успел подсчитать, что в этой беседе
каждое слово обходится ему больше чем в десять таньга. Он развязал пояс и под хищными
пристальными взглядами стражников начал отсчитывать пошлину за въезд в город, госте-
вую пошлину, деловую пошлину и пожертвование на украшение мечетей. Сборщик грозно
покоился на стражников, они отвернулись. Писец, уткнувшись в книгу, быстро заскрипел
пером.

Ходжа Насреддин расплатился, хотел уходить, но сборщик заметил, что в его поясе
осталось еще несколько монет.

– Подожди, – остановил он Ходжу Насреддина. – А кто же будет платить пошлину за
твоего ишака? Если ты едешь в гости к родственникам, значит и твой ишак едет в гости к
родственникам.

– Ты прав, о мудрый начальник, – смиренно ответил Ходжа Насреддин, снова развязы-
вая пояс. – У моего ишака в Бухаре действительно великое множество родственников, иначе
наш эмир с такими порядками давным-давно полетел бы с трона, а ты, о почтенный, за свою
жадность попал бы на кол!

Прежде чем сборщик опомнился, Ходжа Насреддин вскочил на ишака и, пустив его во
весь опор, исчез в ближайшем переулке. «Скорее, скорее! – говорил он. – Прибавь ходу, мой
верный ишак, прибавь ходу, иначе твой хозяин заплатит еще одну пошлину – собственной
головой!»

Ишак у Ходжи Насреддина был очень умный, все понимал: он слышал своими длин-
ными ушами гул и смятение у городских ворот, крики стражников и, не разбирая дороги,
мчался так, что Ходжа Насреддин, обхватив обеими руками его шею и высоко подобрав ноги,
едва держался в седле. За ним с хриплым лаем неслась целая свора собак; встречные жались
к заборам и смотрели вслед, покачивая головами.

Тем временем у городских ворот стражники обшарили всю толпу, разыскивая дерзкого
вольнодумца. Купцы, ухмыляясь, шептали друг другу:

– Вот ответ, который сделал бы честь даже самому Ходже Насреддину!..

К полудню весь город знал об этом ответе; продавцы на базаре рассказывали шепо-
том покупателям, а те передавали дальше, и все говорили при этом: «Вот слова, достойные
самого Ходжи Насреддина!»

И никто не знал, что эти слова принадлежали Ходже Насреддину, что он сам, знаме-
нитый и несравненный Ходжа Насреддин, бродит сейчас по городу, голодный, без гроша в
кармане, разыскивая родственников или старых друзей, которые бы накормили его и при-
ютили на первое время.

Глава третья

Он не нашел в Бухаре ни родственников, ни старых друзей. Он не нашел даже отчего дома, в котором родился и вырос, играя в тенистом саду, где в осенние прозрачные дни шелестела под ветром желтеющая листва, спелые плоды с глухим, словно бы отдаленным стуком падали на землю, тонкими голосами свистели птицы, солнечные пятна трепетали на благоуханной траве, гудели трудолюбивые пчелы, собирая последнюю дань с увядающих цветов, затаенно журчала в арыке вода, рассказывая мальчику свои бесконечные непонятные сказки... Теперь на этом месте был пустырь: бугры, рытвины, цепкий чертополох, закопченные кирпичи, оплывающие остатки стен, куски истлевших камышовых циновок; ни одной птицы, ни одной пчелы не увидел здесь Ходжа Насреддин! Только из-под камней, о которые он споткнулся, вытекла вдруг маслянистая длинная струя и, тускло блеснув на солнце, скрылась опять под камнями, — это была змея, одинокий и страшный житель пустынных мест, навсегда покинутых человеком.

Потупившись, Ходжа Насреддин долго стоял в молчании; горе сжимало его сердце.

Он услышал за спиной дребезжащий кашель и обернулся.

По тропинке шел через пустырь какой-то старик, согбенный нуждой и заботами. Ходжа Насреддин остановил его:

— Мир тебе, старец, да пошлет тебе аллах еще много лет здоровья и благоденствия. Скажи, чей дом стоял раньше на этом пустыре?

— Здесь стоял дом седельника Шир-Мамеда, — ответил старик. — Я когда-то очень хорошо знал его. Этот Шир-Мамед был отцом знаменитого Ходжи Насреддина, о котором ты, путник, наверное, слышал немало.

— Да, я слышал кое-что. Но скажи, куда девался этот седельник Шир-Мамед, отец знаменитого Ходжи Насреддина, куда девалась его семья?

— Тише, сын мой. В Бухаре тысячи и тысячи шпионов — они могут услышать нас, и тогда мы не оберемся беды. Ты, наверное, приехал издалека и не знаешь, что в нашем городе строго запрещено упоминать имя Ходжи Насреддина, за это сажают в тюрьму. Наклонись ко мне ближе, и я расскажу.

Ходжа Насреддин, скрывая волнение, низко пригнулся к нему.

— Это было еще при старом эмире, — начал старик. — Через полтора года после изгнания Ходжи Насреддина по базару разнесся слух, что он вернулся, тайно проживает в Бухаре и сочиняет про эмира насмешливые песни. Этот слух дошел до эмирского дворца, стражники кинулись искать Ходжу Насреддина, но найти не могли. Тогда эмир повелел схватить отца Ходжи Насреддина, двух братьев, дядю, всех дальних родственников, друзей и пытаться до тех пор, пока они не скажут, где скрывается Ходжа Насреддин. Слава аллаху, он послал им столько мужества и твердости, что они смогли промолчать, и наш Ходжа Насреддин не попался в руки эмиру. Но его отец, седельник Шир-Мамед, заболел после пыток и вскоре умер, а все родственники и друзья покинули Бухару, скрываясь от эмирского гнева, и никто не знает, где они сейчас. И тогда эмир приказал разрушить их жилища и выкорчевать сады, дабы истребить в Бухаре самую память о Ходже Насреддине.

— За что же их пытали? — воскликнул Ходжа Насреддин; слезы текли по его лицу, но старик видел плохо и не замечал этих слез. — За что их пытали? Ведь Ходжи Насреддина в то время не было в Бухаре, я это очень хорошо знаю!

— Никто этого не знает! — ответил старик. — Ходжа Насреддин появляется, где захочет, и исчезает, когда захочет. Он везде и нигде, наш несравненный Ходжа Насреддин!

С этими словами старик, охая и кашляя, побрел дальше, а Ходжа Насреддин, закрыв лицо руками, подошел к своему ишаку.

Он обнял ишака, прижался мокрым лицом к его теплой, пахучей шее: «Ты видишь, мой добрый, мой верный друг, – говорил Ходжа Насреддин, – у меня не осталось никого из близких, только ты постоянный и неизменный товарищ в моих скитаниях». И словно чувствуя горе своего хозяина, ишак стоял смирно, не шевелясь, и даже перестал жевать колючку, которая так и осталась висеть у него на губах.

Но через час Ходжа Насреддин укрепил свое сердце, слезы высохли на его лице. «Ничего! – вскричал он, сильно хлопнув ишака по спине. – Ничего! Меня еще не забыли в Бухаре, меня знают и помнят в Бухаре, и мы сумеем найти здесь друзей! И теперь уж мы сочиним про эмира такую песню, что он лопнет от злости на своем троне, и его вонючие кишки прилипнут к разукрашенным стенам дворца! Вперед, мой верный ишак, вперед!»

Глава четвертая

Был послеполуденный душный и тихий час. Дорожная пыль, камни, глиняные заборы и стены – все раскалилось, дышало ленивым жаром, и пот на лице Ходжи Насреддина высыхал раньше, чем он успевал его вытереть.

Ходжа Насреддин с волнением узнавал знакомые улицы, чайханы и минареты. Ничто не изменилось за десять лет в Бухаре, все так же облезшие собаки дремали у водоемов, и стройная женщина, изогнувшись и придерживая смуглой рукой с накрашенными ногтями свою чадру, погружала в темную воду узкий звенящий кувшин. И все так же наглухо были заперты ворота знаменитой медресе Мир-Араб, где под тяжелыми сводами келий ученые улемы и мударрисы, давно позабывшие цвет весенней листвы, запах солнца и говор воды, сочиняют с горящими мрачным пламенем глазами толстые книги во славу аллаха, доказывая необходимость уничтожения до седьмого колена всех, не исповедующих ислама. Ходжа Насреддин ударил ишака пятками, проезжая это страшное место.

Но где же все-таки пообедать? Ходжа Насреддин в третий раз со вчерашнего дня перевязал свой пояс.

– Надо что-то придумать, – сказал он. – Остановимся, мой верный ишак, и подумаем. А вот, кстати, чайхана!

Разнуздав ишака, он пустил его собирать недоеденный клевер у коновязи, а сам, подобрав полы халата, уселся перед арыком, в котором, булькая и пенясь на заворотах, шла густая от глины вода. «Куда, зачем и откуда течет эта вода – она не знает и не думает об этом, – горестно размышлял Ходжа Насреддин. – Я тоже не знаю ни своего пути, ни отдыха, ни дома. Зачем я пришел в Бухару? Куда я уйду завтра? И где же раздобыть полтаньга на обед? Неужели я опять останусь голодным? Проклятый сборщик пошлин, он ограбил меня дочи-ста и еще имел бесстыдство толковать мне о разбойниках!»

В эту минуту он вдруг увидел виновника своих несчастий. К чайхане подъехал сам сборщик пошлин. Два стражника вели под уздцы арабского жеребца, гнедого красавца с благородным и страстным огнем в темных глазах. Он, пригибая шею, нетерпеливо перебирал тонкими ногами, как будто ему было противно нести на себе жирную тушу сборщика.

Стражники почтительно сгрузили своего начальника, и он вошел в чайхану, где трепещущий от раболепия чайханщик усадил его на шелковые подушки, заварил ему отдельно самого лучшего чаю и подал тонкую пиалу китайской работы. «Неплохо встречают его за мои деньги!» – подумал Ходжа Насреддин.

Сборщик налил чаем до самого горла и вскоре задремал на подушках, наполнив чайхану сопением, храпом и причмокиваниями. Все остальные гости перешли в разговорах на шепот, боясь потревожить его сон. Стражники сели над ним – один справа, а другой слева – и отгоняли веточками назойливых мух, пока не убедились, что сборщик уснул крепко; тогда они перемигнулись, разнуздали коня, бросили ему сноп клевера и, захватив с собою кальян, ушли в глубь чайханы, в темноту, откуда через минуту на Ходжу Насреддина потянуло сладким запахом гашиша: стражники на свободе предавались пороку. «Ну, а мне пора убираться! – решил Ходжа Насреддин, вспомнив утреннее приключение у городских ворот и опасаясь, что стражники, не ровен час, узнают его. – Но где же все-таки достану я полтаньга? О всемогущая судьба, столько раз выручавшая Ходжу Насреддина, обрати на него свой благосклонный взор!»

В это время его окликнули:

– Эй ты, оборванец!

Он обернулся и увидел на дороге крытую, богато разукрашенную арбу, откуда, раздвинув занавески, выглядывал человек в большой чалме и дорогом халате.

И раньше чем этот человек – богатый купец или вельможа – произнес следующее слово, Ходжа Насреддин уже знал, что его призыв к счастью не остался без ответа: счастье, как всегда, обратило к нему в трудную минуту свой благосклонный взор.

– Мне нравится этот жеребец, – надменно сказал богач, глядя поверх Ходжи Насреддина и любуясь гнедым арабским красавцем. – Скажи мне, продается ли этот жеребец?

– В мире нет такого коня, который бы не продавался, – уклончиво ответил Ходжа Насреддин.

– У тебя в кармане, наверное, не очень много денег, – продолжал богач. – Слушай внимательно. Я не знаю, чей это жеребец, откуда он и кому принадлежал раньше. Я не спрашиваю тебя об этом. С меня достаточно того, что, судя по твоей запыленной одежде, ты приехал в Бухару издалека. С меня этого достаточно. Ты понял?

Ходжа Насреддин, охваченный ликованием и восхищением, кивнул головой: он сразу понял все и даже гораздо больше, чем хотел ему сказать богач. Он думал только об одном: чтобы какая-нибудь глупая муха не заползла в ноздрю или в гортань сборщику пошлин и не разбудила его. О стражниках он беспокоился меньше: они продолжали с увлечением предаваться пороку, о чем свидетельствовали клубы густого зеленого дыма, валившего из темноты.

– Но ты сам понимаешь, – надменно и важно продолжал богач, – что тебе в твоём рваном халате не подобает ездить на таком коне. Это даже было бы опасным для тебя, потому что каждый задал бы себе вопрос: «Откуда взялся у этого нищего такой прекрасный жеребец?» – и ты мог бы легко угодить в тюрьму.

– Ты прав, о высокорожденный! – смиренно ответил Ходжа Насреддин. – Конь действительно слишком хорош для меня. Я в своём рваном халате всю жизнь езжу на ишаке и даже не осмеливаюсь подумать о том, чтобы сесть на такого коня.

Ответ его понравился богачу.

– Это хорошо, что ты при своей бедности не ослеплен гордостью: бедняк должен быть смиренен и скромен, ибо пышные цветы присущи благородному миндалю, но не присущи степной убогой колючке. Теперь ответь мне – хочешь ли ты получить вот этот кошелек? Здесь ровно триста таньга серебром.

– Еще бы! – воскликнул Ходжа Насреддин, внутренне холодея, потому что злобная муха все-таки заползла в ноздрю сборщика пошлин: он чихнул и зашевелился. – Еще бы! Кто откажется получить триста таньга серебром? Ведь это все равно что найти кошелек на дороге!

– Ну, положим, на дороге ты нашел совсем другое, – ответил богач, тонко улыбнувшись. – Но то, что ты нашел на дороге, я согласен обменять на серебро. Получи свои триста таньга.

Он протянул Ходже Насреддину увесистый кошелек и подал знак своему слуге, который, почесывая нагайкой спину, молча прислушивался к разговору. Слуга направился к жеребцу. Ходжа Насреддин успел заметить, что слуга, судя по усмешке на его плоской рябой роже и по беспокойным глазам, – отъявленный плут, вполне достойный своего господина. «Три плута на одной дороге – это слишком много, одному пора убираться!» – решил Ходжа Насреддин. Восхваляя благочестие и щедрость богача, он вскочил на ишака и так сильно ударил его пятками, что ишак, несмотря на всю свою леность, взял сразу в галоп.

Обернувшись, Ходжа Насреддин увидел, что рябой слуга привязывает к арбе гнедого арабского жеребца.

Обернувшись еще раз, он увидел, что богач и сборщик пошлин дерут друг друга за бороды, а стражники тщетно стараются разнять их.

Разумный не вмешивается в чужую ссору. Ходжа Насреддин крутил и вилял по всем переулкам, пока не почувствовал себя в безопасности. Он натянул поводья, сдерживая галоп ишака.

– Подожди, подожди, – начал он. – Теперь нам спешить некуда...

Вдруг он услышал вблизи тревожный, перебивчатый цокот копыт.

– Эге! Вперед, мой верный ишак, вперед, выручай! – крикнул Ходжа Насреддин, но было уже поздно: из-за поворота на дорогу выскочил всадник.

Это был рябой слуга. Он скакал на лошади, выпряженной из арбы. Болтая ногами, он промчался мимо Ходжи Насреддина и, круто осадив лошадь, поставил ее поперек дороги.

– Пропусти, добрый человек, – кротко сказал Ходжа Насреддин. – На таких узких дорогах нужно ездить вдоль, а не поперек.

– Ага! – ответил слуга со злорадством в голосе. – Ну, теперь тебе не миновать подземной тюрьмы! Знаешь ли ты, что этот вельможа, владелец жеребца, вырвал у моего господина полбороды, а мой господин разбил ему до крови нос. Завтра же тебя потащат на эмирский суд. Поистине, участь твоя горькая, о человек!

– Что ты говоришь?! – воскликнул Ходжа Насреддин. – Из-за чего же могли так сильно поссориться эти почтенные люди? Но зачем ты остановил меня – я не могу быть судьей в их споре! Пускай уж они сами разбираются как-нибудь!

– Довольно болтать! – сказал слуга. – Заворачивай обратно. Придется тебе ответить за этого жеребца.

– Какой жеребец?

– Ты еще спрашиваешь?! Тот самый, за которого ты получил от моего господина кошелек серебра.

– Клянусь аллахом, ты ошибаешься, – ответил Ходжа Насреддин. – Жеребец здесь совсем ни при чем. Посуди сам – ты ведь слышал весь разговор. Твой господин, человек щедрый и благочестивый, желая помочь бедняку, спросил: хочу ли я получить триста таньга серебром? – и я ответил, что, конечно, хочу. И он дал мне триста таньга, да продлит аллах дни его жизни! Но предварительно он решил испытать мою скромность и мое смирение, дабы убедиться, что я заслуживаю награды. Он сказал: «Я не спрашиваю, чей это жеребец и откуда он», – желая проверить, не назову ли я себя из ложной гордости хозяином этого жеребца. Я промолчал, и щедрый, благочестивый купец остался доволен этим. Потом он сказал, что такой жеребец был бы слишком хорош для меня, я с ним вполне согласился, и он опять остался доволен. Затем он сказал, что я нашел на дороге то, что может быть обменено на серебро, намекая этим на мое усердие и твердость в исламе, которые я обрел в своих скитаниях по святым местам. И он тогда наградил меня, дабы этим благочестивым делом заранее облегчить себе переход в рай по загробному мосту, что легче волоса и тоньше острия меча, как говорит священный Коран. В первой же молитве я сообщу аллаху о благочестивом поступке твоего господина, дабы аллах заранее приготовил для него перила на этом мосту.

Слуга задумался, потом сказал с хитрой усмешкой, от которой Ходже Насреддину стало как-то не по себе:

– Ты прав, о путник! И как это я сразу не догадался, что твой разговор с моим хозяином имеет столь добродетельный смысл! Но если уж ты решил помочь моему господину в переходе по загробному мосту, то лучше, чтобы перила были с двух сторон. Оно выйдет крепче и надежнее. Я тоже с удовольствием помолился бы за моего господина, чтобы аллах поставил перила и с другой стороны.

– Так помолись! – воскликнул Ходжа Насреддин. – Кто мешает тебе? Ты даже обязан это сделать. Разве не повелевает Коран рабам и слугам ежедневно молиться за своих господ, не требуя особой награды...

– Заворачивай ишака! – грубо сказал слуга и, тронув лошадь, прижал Ходжу Насреддина к забору. – Ну, живее, не заставляй меня терять попусту время!

– Подожди, – торопливо прервал его Ходжа Насреддин. – Я еще не все сказал. Я соби-
рался прочесть молитву в триста слов, по числу таньга, полученных мною. Но теперь я
думаю, что можно обойтись молитвой в двести пятьдесят слов. Перила с моей стороны будут
только чуть-чуть потоньше и покороче. А ты прочтешь молитву в пятьдесят слов, и премуд-
рый аллах сумеет из тех же бревен выкроить перила на твою сторону.

– Как же так? – возразил слуга. – Значит, мои перила будут в пять раз короче твоих?

– Но зато они будут в самом опасном месте! – с живостью добавил Ходжа Насреддин.

– Нет! Я не согласен на такие коротенькие перила! – решительно сказал слуга. – Зна-
чит, часть моста будет не огороженной! Я весь бледнею и покрываюсь холодным потом
при мысли о страшной опасности, угрожающей моему господину! Я полагаю, что мы оба
должны прочесть молитвы по сто пятьдесят слов, чтобы перила были с обеих сторон оди-
наковыми. Ну, пусть они будут тоненькие, зато с двух сторон. А если ты не согласен, то я в
этом вижу злой умысел против моего господина – значит, ты хочешь, чтобы он свалился с
моста! И я сейчас позову людей, и ты прямым ходом отправишься в подземную тюрьму!

– Тоненькие перила! – в ярости вскричал Ходжа Насреддин, чувствуя как бы слабое
пошевеливание кошелька в своем поясе. – По-твоему, достаточно огородить этот мост пру-
тиками! Пойми же, что перила с одной стороны должны быть непременно толще и крепче,
дабы купцу было за что ухватиться, если он оступится и будет падать!

– Сама истина говорит твоими устами! – радостно воскликнул слуга. – Пусть они будут
толще с моей стороны, а я уж не пожалею труда и прочту молитву в двести слов!

– А в триста не хочешь? – злобно сказал Ходжа Насреддин.

Они долго спорили на дороге. Редкие прохожие, слышавшие обрывки разговора,
почтительно кланялись, принимая Ходжу Насреддина и рябого слугу за благочестивых
паломников, возвращающихся с поклонения святым местам.

Когда они расставались, кошелек Ходжи Насреддина был легче наполовину: они дого-
ворились, что мост, ведущий в рай, должен быть огорожен для купца с двух сторон совер-
шенно одинаковыми по длине и прочности перилами.

– Прощай, путник, – сказал слуга. – Сегодня мы с тобой совершили благочестивое дело.

– Прощай, добрый, преданный и добродетельный слуга, столь пекущийся о спасении
души своего хозяина. Скажу еще, что в споре ты не уступишь, наверное, даже самому Ходже
Насреддину.

– Почему ты вспомнил о нем? – насторожился слуга.

– Да так. Пришлось к слову, – ответил Ходжа Насреддин, подумав про себя: «Эге!.. Да
это, кажется, не простая птица!»

– Может быть, ты приходишься ему каким-нибудь дальним родственником? – спросил
слуга. – Или знаешь кого-нибудь из его родственников?

– Нет, я никогда не встречался с ним. И я никого не знаю из его родственников.

– Скажу тебе на ухо, – слуга наклонился в седле: – я прихожусь родственником Ходже
Насреддину. Я его двоюродный брат. Мы вместе провели детские годы.

Ходжа Насреддин, окончательно укрепившись в своих подозрениях, ничего не ответил.
Слуга нагнулся к нему с другой стороны:

– Его отец, два брата и дядя погибли. Ты, наверное, слышал, путник?

Ходжа Насреддин молчал.

– Какое зверство со стороны эмира! – воскликнул слуга лицемерным голосом.

Но Ходжа Насреддин молчал.

– Все бухарские визири – дураки! – сказал вдруг слуга, трепеща от нетерпения и алч-
ности, ибо за поимку вольнодумцев полагалась от казны большая награда.

Но Ходжа Насреддин упорно молчал.

– И сам наш пресветлый эмир тоже дурак! – сказал слуга. – И еще неизвестно, есть ли на небе аллах или его вовсе не существует.

Но Ходжа Насреддин молчал, хотя ядовитый ответ давно висел на самом кончике его языка. Слуга, обманувшийся в своих надеждах, с проклятием ударил лошадь нагайкой и в два прыжка исчез за поворотом. Все затихло. Только пыль, взметенная копытами, вилась и золотилась в неподвижном воздухе, пронизанная косыми лучами.

«Ну вот, нашелся все-таки родственничек, – насмешливо думал Ходжа Насреддин. – Старик не солгал мне: шпионов действительно развелось в Бухаре больше, чем мух, и надо быть осторожнее, ибо старинная поговорка гласит, что провинившийся язык отрубают вместе с головой».

Так ехал он долго, то омрачаясь при мысли о своем опустевшем наполовину кошельке, то улыбаясь при воспоминании о драке сборщика пошлин с надменным богачом.

Глава пятая

Достигнув противоположной части города, он остановился, поручил своего ишака работам чайханщика, а сам, не теряя времени, отправился в харчевню.

Там было тесно, дымно и чадно, стоял шум и гам, жарко пылали печи, и пламя их озяряло потных, оголенных до пояса поваров. Они спешили, кричали, толкая друг друга и раздавая подзатыльники поваряткам, которые с безумными глазами метались по всей харчевне, увеличивая давку, галдеж и сутолоку. Булькали огромные котлы, накрытые деревянными пляшущими кругами, сытный пар сгущался под потолком, где с гудением вились рои бесчисленных мух. В сизом чаду яростно шипело, брызгалось масло, светились стенки накаленных жаровен, и жир, капая с вертелов на угли, горел синим душным огнем. Здесь готовили плов, жарили шашлык, варили требуху, пекли пирожки, начиненные луком, перцем, мясом и курдючным салом, которое, растопившись в печи, проступало насквозь через тесто и кипело мелкими пузырьками. Ходжа Насреддин с большим трудом отыскал место и втиснулся так плотно, что люди, которых сдавил он своей спиной и боками, крикнули. Но никто не обиделся и не сказал Ходже Насреддину ни слова, а сам он и подавно не обижался. Он всегда любил жаркую давку базарных харчевен, весь этот нестройный гомон, шутки, смех, крики, толкотню, дружное сопение, жевание и чавканье сотен людей, которым после целого дня тяжелой работы некогда разбираться в кушаньях: несокрушимые челюсти все перемелют – и жилы, и хрящи, а луженое брюхо все примет, только подавай, чтобы много было и дешево! Ходжа Насреддин тоже умел закусить основательно: он съел без передышки три миски лапши, три миски плова и еще напоследок два десятка пирожков, которые доедал через силу, верный своему правилу никогда ничего не оставлять в миске, раз деньги все равно заплачены.

Потом он полез к выходу и когда, работая изо всех сил локтями, выбрался наконец на воздух, то был весь мокрый. Члены его ослабли и растомились, как будто он только что побывал в бане, в руках у дюжего мойщика. Вялым шагом, отяжелев от еды и жары, наскоро добрался он до чайханы, а добравшись – заказал себе чаю и блаженно растянулся на кошах. Веки его смыкались, в голове плыли тихие, приятные мысли: «У меня сейчас много денег; хорошо бы пустить их в оборот и открыть какую-нибудь мастерскую – горшечную или седельную; я ведь знаю эти ремесла. Хватит мне, в самом деле, скитаться. Разве я хуже и глупее других, разве у меня не может быть доброй, красивой жены, разве не может быть у меня сына, которого носил бы я на руках? Клянусь бородой пророка, из этого горластого мальчишки выйдет отъявленный плут, я уж постараюсь передать ему свою мудрость! Да, решено: Ходжа Насреддин меняет свою беспокойную жизнь. Для начала я должен купить горшечную или седельную мастерскую...»

Он занялся подсчетами. Хорошая мастерская стоила самое меньшее триста таньга, у него же было сто пятьдесят. С проклятиями он вспоминал рябого слугу: «Да поразит аллах слепотой этого разбойника, он отнял у меня как раз ту половину, которой недостает сейчас для начала!»

И удача опять поспешила на помощь ему. «Двадцать таньга!» – вдруг сказал кто-то, и вслед за этими словами Ходжа Насреддин услышал стук костей, брошенных на медный поднос.

На краю помоста, у самой коновязи, где был привязан ишак, сидели плотным кольцом люди, а чайханщик стоял над ними, заглядывая сверху через головы.

«Игра! – догадался Ходжа Насреддин, приподнимаясь на локте. – Надо посмотреть хоть издали. Сам я, конечно, играть не буду: я не такой дурак! Но почему не посмотреть умному человеку на дураков?»

Он встал и подошел к играющим.

– Глупые люди! – шепотом сказал он чайханщику. – Они рискуют последним в надежде приобрести большее. И разве Магомет не запретил мусульманам денежных игр? Слава богу, я избавлен от этой пагубной страсти... Как везет, однако, этому рыжему игроку: он выигрывает четвертый раз подряд... Смотри, смотри – он в пятый раз выиграл! О безумец! Он обольщен ложным призраком богатства, между тем нищета уже вырыла яму на его пути. Что?... Он в шестой раз выиграл!.. Я никогда еще не видел, чтобы человеку так везло. Смотри, он ставит опять! Поистине, нет предела человеческому легкомыслию; не может же он подряд выигрывать! Вот так и гибнут люди, поверив в ложное счастье! Следовало бы проучить этого рыжего. Ну, пусть он только выиграет в седьмой раз, тогда я сам поставлю против него, хотя в душе я враг всяких денежных игр и давно бы запретил их на месте эмира!..

Рыжий игрок бросил кости и в седьмой раз выиграл. Ходжа Насреддин решительно шагнул вперед, раздвинул игроков и сел в кольцо.

– Я хочу сыграть с тобой, – сказал он счастливцу, взял кости и быстро, опытным глазом, проверил их со всех сторон.

– Сколько? – спросил рыжий глухим голосом. Его била мелкая дрожь – он торопился, желая взять как можно больше от своего мимолетного счастья.

Ходжа Насреддин в ответ вынул кошелек, отложил на всякий случай в карман двадцать пять таньга, остальное высыпал. Серебро зазвенело и запело на медном подносе. Игроки встретили ставку легким взволнованным гулом: начиналась большая игра.

Рыжий взял кости и долго тряс, не решаясь метнуть. Все затаили дыхание, даже ишак вытянул морду и насторожил уши. Слышался только стук костей в кулаке рыжего игрока – больше ничего. И от этого сухого стука вступала в живот и в ноги Ходжи Насреддина истомная слабость.

А рыжий все тряс, придерживая рукав халата, и не мог решиться.

Наконец он метнул. Игроки подались вперед и сейчас же откинулись, вздохнув все разом, единой грудью. Рыжий побледнел и застонал сквозь сжатые зубы.

На костях было всего три очка – верный проигрыш, ибо двойка выбрасывается так же редко, как и двенадцать, а все остальное годилось Ходже Насреддину.

Встряхивая в кулаке кости, он мысленно благодарил судьбу, столь благосклонную к нему в этот день. Но он позабыл, что судьба своенравна и непостоянна и может с легкостью изменить, если ей слишком надоедают. Она решила проучить самоуверенного Ходжу Насреддина и своим орудием избрала ишака, вернее – его хвост, украшенный на конце колючками и репьями. Повернувшись задом к играющим, ишак взмахнул хвостом, задел по руке своего хозяина, кости выскочили, и в тот же миг рыжий игрок с коротким, придушенным воплем упал на поднос, накрыв собою деньги.

Ходжа Насреддин выбросил два очка.

Долго сидел он, окаменев, беззвучно шевеля губами, – все качалось и плыло перед его остановившимся взором, и странный звон стоял в его ушах.

Вдруг он вскочил, схватил палку и начал дубасить ишака, бегая за ним вокруг коновязи.

– Проклятый ишак, о сын греха, о вонючая тварь и позор всего живущего на земле! – кричал Ходжа Насреддин. – Мало того, что ты играешь в кости на деньги своего хозяина, но ты еще и проигрываешь! Да облезет твоя подлая шкура, да пошлет тебе всемогущий аллах яму на пути, чтобы ты поломал свои ноги; когда же ты наконец издохнешь и я избавлюсь от созерцания твоей гнусной морды?!

Ишак ревел, игроки хохотали, и громче всех – рыжий, окончательно поверивший в свое счастье.

– Сыграем еще, – сказал он, когда Ходжа Насреддин, утомившись и запыхавшись, отбросил палку. – Сыграем еще: у тебя осталось двадцать пять таньга.

При этом он выставил вперед левую ногу и слегка пошевеливал ею в знак пренебрежения к Ходже Насреддину.

– Что ж, сыграем! – ответил Ходжа Насреддин, решив, что теперь уж все равно: там, где потеряны сто двадцать таньга, нет смысла жалеть последние двадцать пять.

Он метнул небрежно, не глядя, – и выиграл.

– На все! – предложил рыжий, бросив на поднос свой проигрыш.

И Ходжа Насреддин выиграл опять. Но рыжий не хотел поверить, что счастье повернулось спиной к нему:

– На все!

Так сказал он семь раз подряд и все семь раз проиграл. Поднос был полон денег. Игроки замерли, – только блеск в глазах свидетельствовал о внутреннем огне, пожиравшем их.

– Ты не можешь выигрывать подряд, если сам шайтан не помогает тебе! – вскричал рыжий. – Ты должен когда-нибудь проиграть! Здесь на подносе твоих денег тысяча шестьсот таньга! Согласен ли ты метнуть еще раз на все? Вот деньги, которые я приготовил, чтобы купить завтра на базаре товар для моей лавки, – я ставлю эти деньги против тебя!

Он достал маленький запасной кошелек, набитый золотом.

– Клади на поднос свое золото! – вскричал разгорячившийся Ходжа Насреддин.

Никогда еще в этой чайхане не было такой большой игры. Чайханщик забыл о своих давно вскипевших кумганах, игроки дышали тяжело и прерывисто. Первым бросил кости рыжий и сразу зажмурился, – он боялся взглянуть.

– Одиннадцать! – закричали все хором. Ходжа Насреддин понял, что погиб: спасти его могли только двенадцать.

– Одиннадцать! Одиннадцать! – твердил в неистовой радости рыжий игрок. – Ты видишь – у меня одиннадцать! Ты проиграл! Ты проиграл!

Ходжа Насреддин, холодея, взял кости и уже приготовился их метнуть, но вдруг остановился.

– Повернись-ка задом! – сказал он ишаку. – Ты сумел проиграть на трех очках, сумей же теперь выиграть на одиннадцати, иначе я немедленно отведу тебя на живодерню!

Он взял в левую руку хвост ишака и ударил себя этим хвостом по правой руке, в которой были зажаты кости.

Всеобщий вопль потряс чайхану, а сам чайханщик схватился за сердце и в изнеможении опустился на пол.

На костях было двенадцать очков.

Глаза рыжего выкатились из орбит, остекленели на бледном лице. Он медленно встал и, восклицая: «О, горе мне, горе!» – вышел, пошатываясь, из чайханы.

И говорят, что с тех пор его по видели больше в городе: он убежал в пустыню и там, страшный, заросший весь диким волосом, бродил в песках и колючем кустарнике, беспрестанно восклицая: «О, горе мне, горе!» – пока наконец не был съеден шакалами. И никто не пожалел о нем, потому что он был человек жестокий и несправедливый и причинил много зла, обыгрывая доверчивых простаков.

А Ходжа Насреддин, уложив в переметные сумки выигранное богатство, обнял ишака, крепко поцеловал в теплый нос и угостил вкусными свежими лепешками, чему ишак немало удивился, потому что всего за пять минут перед этим получил от своего хозяина совсем другое.

Глава шестая

Памятуя мудрое правило, что лучше держаться подальше от людей, знающих, где лежат твои деньги, Ходжа Насреддин не стал задерживаться в чайхане и поехал на базарную площадь. Время от времени он оглядывался – не следят ли за ним, ибо на лицах игроков да и самого чайханщика не лежала печать добродетели.

Ехать ему было радостно. Теперь он сможет купить любую мастерскую, две мастерские, три мастерские. Так и решил он сделать. Я куплю четыре мастерские: гончарную, седельную, портновскую и сапожную и посажу в каждую по два мастера, а сам буду только получать деньги. Через два года я разбогатею, куплю дом с фонтанами в саду, повешу везде золотые клетки с певчими птицами, у меня будет две или даже три жены и по три сына от каждой...»

Он с головой погрузился в сладостную реку мечтаний. Между тем ишак, не чувствуя поводьев, воспользовался задумчивостью хозяина и, встретив на пути мостик, не пошел по нему, подобно всем другим ишакам, а свернул в сторону и, разбежавшись, прыгнул прямо через канаву. «И когда мои дети вырастут, я соберу их и скажу... – думал в это время Ходжа Насреддин. – Но почему я лечу по воздуху? Неужели аллах решил превратить меня в ангела и приделал мне крылья?».

В ту же секунду искры, посыпавшиеся из глаз, убедили Ходжу Насреддина, что крыльев у него нет. Вылетев из седла, он шлепнулся на дорогу, сажени на две впереди ишака.

Когда он с кряхтением и охами встал, весь перепачканный пылью, ишак, ласково пошевеливая ушами и сохраняя на морде самое невинное выражение, подошел к нему, как бы приглашая снова занять место в седле.

– О ты, посланный мне в наказание за мои грехи и за грехи моего отца, деда и прадеда, ибо, клянусь правотой ислама, несправедливо было бы столь тяжело наказывать человека за одни только собственные его грехи! – начал Ходжа Насреддин дрожащим от негодования голосом. – О ты, презренная помесь паука и гиены! О ты, который...

Но тут он осекся, заметив каких-то людей, сидевших неподалеку в тени полуразрушенного забора.

Проклятия замерли на губах Ходжи Насреддина.

Он понимал, что человек, попавший на виду у других в смешное и непочтенное положение, должен сам смеяться громче всех над собой.

Ходжа Насреддин подмигнул сидящим и широко улыбнулся, показав сразу все свои зубы.

– Эге! – сказал он громко и весело. – Вот это я славно полетел! Скажите, сколько раз я перевернулся, а то я сам не успел сосчитать. Ах ты шалунишка! – продолжал он, добродушно похлопывая ишака ладонью, в то время как руки чесались хорошенько отдуть его плетью, – ах ты шалунишка! Он у меня такой: чуть зазеваешься, и он обязательно уж что-нибудь сотворит!

Ходжа Насреддин залился веселым смехом, но с удивлением заметил, что никто не вторит ему. Все продолжали сидеть с опущенными головами и омраченными лицами, а женщины, державшие на руках младенцев, тихо плакали.

«Здесь что-то не так», – сказал себе Ходжа Насреддин и подошел ближе.

– Послушай, почтенный старец, – обратился он к седобородому старику с изможденным лицом, – поведай мне, что случилось? Почему я не вижу улыбок, не слышу смеха, почему плачут женщины? Зачем вы сидите здесь на дороге в пыли и жаре, разве не лучше сидеть дома в прохладе?

– Дома хорошо сидеть тому, у кого есть дом, – скорбно ответил старик. – Ах, прохожий, не спрашивай – горе велико, а помочь ты все равно не сможешь. Вот я, старый, дряхлый, молно сейчас бога, чтобы он поскорее послал мне смерть.

– К чему такие слова! – укоризненно сказал Ходжа Насреддин. – Человек никогда не должен думать об этом. Поведай мне свое горе и не смотри, что я беден с виду. Может быть, я сумею помочь тебе.

– Мой рассказ будет кратким. Всего час назад по нашей улице прошел ростовщик Джафар в сопровождении двух эмирских стражников. А я должник ростовщика Джафара, и завтра утром истекает срок моего долга. И вот я изгнан из своего дома, в котором прожил всю жизнь, и нет больше у меня семьи и нет угла, где бы мог я преклонить голову... А все имущество мое – дом, сад, скот и виноградники – будет продано завтра Джафаром.

Слезы показались на глазах старика, голос дрожал.

– И много ты ему должен? – спросил Ходжа Насреддин.

– Очень много, прохожий. Я должен ему двести пятьдесят таньга.

– Двести пятьдесят таньга! – воскликнул Ходжа Насреддин. – И человек желает себе смерти из-за каких-то двухсот пятидесяти таньга! Ну, ну, стой смирно, – добавил он, обращаясь к ишаку и развязывая переметную сумку. – Вот тебе, почтенный старец, двести пятьдесят таньга, отдай их этому ростовщику, выгони его пинками из своего дома и доживай свои дни в покое и благоденствии.

Услышав звон серебра, все встрепонулись, а старик не мог вымолвить слова и только глазами, в которых сверкали слезы, благодарил Ходжу Насреддина.

– Вот видишь, а ты еще не хотел рассказывать о своем горе, – сказал Ходжа Насреддин, отсчитывая последнюю монету и думая про себя: «Ничего, вместо восьми мастеров я найму только семь, с меня и этого хватит!» Вдруг женщина, сидевшая рядом со стариком, бросилась в ноги Ходже Насреддину и протянула к нему с громким плачем своего ребенка.

– Посмотри! – сказала она сквозь рыдания. – Он болен, губы его пересохли, и лицо пылает. И он умрет теперь, мой бедный мальчик, где-нибудь на дороге, ибо меня выгнали из моего дома.

Ходжа Насреддин взглянул на исхудавшее, бледное личико ребенка, на его прозрачные руки, потом обвел взглядом лица сидящих. И когда он взгляделся в эти лица, иссеченные морщинами, измятые страданием, и увидел глаза, потускневшие от бесконечных слез, – словно горячий нож вонзился в его сердце, мгновенная судорога перехватила горло, кровь жаркой волной бросилась в лицо. Он отвернулся.

– Я вдова, – продолжала женщина. – Мой муж, умерший полгода назад, был должен ростовщику двести таньга, и по закону долг перешел на меня.

– Мальчик в самом деле болен, – сказал Ходжа Насреддин. – И вовсе не следует держать его на солнцепеке, ибо солнечные лучи сгущают кровь в жилах, как говорит об этом Авиценна, что, конечно, не полезно мальчику. Вот тебе двести таньга, возвращайся скорее домой, положи ему примочку на лоб; вот тебе еще пятьдесят таньга, чтобы ты могла позвать лекаря и купить лекарства.

Про себя подумал: «Можно отлично обойтись и шестью мастерами».

Но в ноги ему рухнул огромного роста бородатый каменщик, семью которого завтра должны были продать в рабство за долг ростовщику Джафару в четыреста таньга... «Пять мастеров, конечно, маловато», – подумал Ходжа Насреддин, развязывая свою сумку. Не успел он ее завязать, как еще две женщины упали на колени перед ним, и рассказы их были столь жалобны, что Ходжа Насреддин, не колеблясь, наделил их деньгами, достаточными для расплаты с ростовщиком. Увидев, что оставшихся денег едва-едва хватит на содержание трех мастеров, он решил, что в таком случае не стоит и связываться с мастерскими, и щедрой рукой принялся раздавать деньги остальным должникам ростовщика Джафара.

В сумке осталось не больше пятисот таньга. И тогда Ходжа Насреддин заметил в стороне еще одного человека, который не обратился за помощью, хотя на лице его было ясно написано горе.

– Эй ты, послушай! – позвал Ходжа Насреддин. – Зачем ты сидишь здесь? Ведь за тобою нет долга ростовщику?

– Я должен ему, – глухо сказал человек. – Завтра я сам пойду в цепях на невольничий рынок.

– Почему же ты молчал до сих пор?

– О щедрый, благотворительный путник, я не знаю, кто ты, Святой ли Богаэддин, вышедший из своей гробницы, чтобы помочь беднякам, или сам Гарун-аль-Рашид? Я не обратился к тебе только потому, что и без меня ты уже очень сильно потратился, а я должен больше всех – пятисот таньга, и я боялся, что если ты дашь мне, то не хватит старикам и женщинам.

– Ты справедлив, благороден и совестлив, – сказал растроганный Ходжа Насреддин. – Но я тоже справедлив, благороден и совестлив, и, клянусь, ты не пойдешь завтра в цепях на невольничий рынок. Держи полу!

Он высыпал из переметной сумки все деньги до последней таньга. Тогда человек, придерживая левой рукой полу халата, обнял правой рукой Ходжу Насреддина и припал в слезах к его груди.

Ходжа Насреддин обвел взглядом всех спасенных людей, увидел улыбки, румянец на лицах, блеск в глазах.

– А ты в самом деле здорово полетел со своего ишака, – сказал вдруг огромный бородастый каменщик, захохотав, и все разом захохотали – мужчины грубыми голосами, а женщины – тонкими, и заулыбались дети, протягивая ручонки к Ходже Насреддину, а сам он смеялся громче всех.

– О! – говорил он, корчась от смеха. – Вы еще не знаете, какой это ишак! Это такой проклятый ишак!..

– Нет! – перебила женщина с больным ребенком на руках. – Не говори так про своего ишака. Это самый умный, самый благородный, самый драгоценный в мире ишак, равных ему никогда еще не было и не будет. Я согласна всю жизнь ухаживать за ним, кормить его отборным зерном, никогда не утруждать работой, чистить скребницей, расчесывать хвост ему гребнем. Ведь если бы этот несравненный и подобный цветущей розе ишак, наполненный одними лишь добродетелями, не прыгнул через канаву и не выбросил тебя из седла, о путник, явившийся перед нами, как солнце во мгле, – ты проехал бы мимо, не заметив нас, а мы не посмели бы остановить тебя!

– Она права, – глубокомысленно заметил старик. – Мы во многом обязаны своим спасением этому ишаку, который поистине украшает собою мир и выделяется как алмаз среди всех других ишаков.

Все начали громко восхвалять ишака и наперебой совали ему лепешки, жареную кукурузу, сушеные абрикосы и персики. Ишак, отмахиваясь хвостом от назойливых мух, невозмутимо и важно принимал подношения, однако заморгал все-таки глазами при виде плетки, которую исподтишка показывал ему Ходжа Насреддин.

Но время шло своим чередом, удлинились тени, краснолапые аисты, крича и хлопая крыльями, опускались в гнезда, откуда навстречу им тянулись жадно раскрытые клювы птенцов.

Ходжа Насреддин начал прощаться.

Все кланялись и благодарили его:

– Спасибо тебе. Ты понял наше горе.

– Еще бы мне не понять, – ответил он, – если я сам не далее как сегодня потерял четыре мастерских, где у меня работали восемь искуснейших мастеров, дом и сад, в котором били фонтаны и висели на деревьях золотые клетки с певчими птицами. Еще бы мне не понять!

Старик прошамкал своим беззубым ртом:

– Мне нечем отблагодарить тебя, путник. Вот единственное, что захватил я, покидая дом. Это Коран, священная книга; возьми ее, и да будет она тебе путеводным огнем в житейском море.

Ходжа Насреддин относился к священным книгам без всякого почтения, но, не желая обидеть старика, взял Коран, уложил в переметную сумку и вскочил в седло.

– Имя, имя! – закричали все хором. – Скажи нам свое имя, чтобы мы знали, кого благодарить в молитвах.

– Зачем вам знать мое имя? Истинная добродетель не нуждается в славе, что же касается молитв, то у аллаха есть много ангелов, извещающих его о благочестивых поступках... Если же ангелы ленивы и нерадивы и спят где-нибудь на мягких облаках, вместо того чтобы вести счет всем благочестивым и всем богохульным делам на земле, то молитвы ваши все равно не помогут, ибо аллах был бы просто глуп, если бы верил людям на слово, не требуя подтверждения от доверенных лиц.

Одна из женщин вдруг тихо ахнула, за ней – вторая, потом старик, встрепенувшись, уставился во все глаза на Ходжу Насреддина. Но Ходжа Насреддин торопился и ничего не заметил.

– Прощайте. Да пребудут мир и благоденствие над вами.

Сопровождаемый благословениями, он скрылся за поворотом дороги.

Оставшиеся молчали, в глазах у всех светилась одна мысль.

Молчание нарушил старик. Он сказал проникновенно и торжественно:

– Только один человек во всем мире может совершить такой поступок, и только один человек в мире умеет так разговаривать, и только один человек в мире носит в себе такую душу, свет и тепло которой обогревают всех несчастных и обездоленных, и этот человек – он, наш...

– Молчи! – быстро перебил второй. – Или ты забыл, что заборы имеют глаза, камни имеют уши, и многие сотни собак кинулись бы по его следу.

– Ты прав, – добавил третий. – Мы должны молчать, ибо он ходит сейчас по канату, и достаточно малейшего толчка, чтобы погубить его.

– Пусть мне лучше вырвут язык, чем я произнесу где-нибудь вслух его имя! – сказала женщина с больным ребенком на руках.

– Я буду молчать, – воскликнула вторая женщина, – ибо я согласна скорее умереть сама, чем подарить ему нечаянно веревку!

Так сказали все, кроме бородатого и могучего каменщика, который не отличался остротой ума и, прислушиваясь к разговорам, никак не мог понять, почему собаки должны бегать по следам этого путника, если он не мясник и не продавец вареной требухи; если же этот путник канатоходец, то почему имя его так запретно для произнесения вслух, и почему женщина согласна скорее умереть, чем подарить своему спасителю веревку, столь необходимую в его ремесле? Здесь каменщик совсем уж запутался, сильно засопел, шумно вздохнул и решил больше не думать, опасаясь сойти с ума.

Ходжа Насреддин уехал тем временем далеко, а перед его глазами все стояли изможденные лица бедняков; он вспоминал больного ребенка, лихорадочный румянец на его щеках и запекшиеся в жару губы; вспоминал седины старика, выброшенного из родного дома, – и ярость поднималась из глубины его сердца.

Он не мог усидеть в седле, спрыгнул и пошел рядом с ишаком, отшвыривая пинками попадавшие под ноги камни.

– Ну, подожди, ростовщик, подожди! – шептал он, и зловещий огонь разгорался в его черных глазах. – Мы встретимся, и твоя участь будет горька! И ты, эмир, – продолжал он, – трепещи и бледней, эмир, ибо я, Ходжа Насреддин, в Бухаре! О презренные пиявки, сосущие кровь из моего несчастного народа, о жадные гиены и вонючие шакалы, не вечно вам блаженствовать и не вечно народу мучиться! Что же касается тебя, ростовщик Джафар, то пусть на веки веков покроется мое имя позором, если я не расквитаюсь с тобой за все горе, которое причиняешь ты беднякам!

Глава седьмая

Даже для Ходжи Насреддина, повидавшего в жизни многое, этот день – первый день пребывания на родине – был слишком беспокоен и богат приключениями. Ходжа Насреддин устал и стремился укрыться куда-нибудь в тихое место на отдых.

– Нет! – вздохнул он, увидев издали множество людей, столпившихся вокруг водоема. – Видно, мне сегодня не суждено отдохнуть! Вон опять что-то случилось!

Водоем лежал в стороне от большой дороги, и Ходжа Насреддин мог бы проехать мимо, но не таков был наш Ходжа Насреддин, чтобы упустить случай вмешаться в спор, скандал или драку.

Ишак, в совершенстве изучивший за долгие годы характер своего господина, повернул, не дожидаясь приказаний, к водоему.

– Что случилось? Кого убили? Кого обокрали? – закричал Ходжа Насреддин, направив ишака в самую гущу народа. – А ну-ка, расступитесь! Дорогу! Дорогу!

Когда он пробрался сквозь толпу и подъехал к самому краю большого, покрытого зеленоватой плесенью водоема, то увидел необычайное. В трех шагах от берега тонул человек. Он то выныривал, то опять погружался, пуская со дна большие пузыри.

На берегу суеилось множество людей; они тянулись к тонущему, стараясь ухватить его за халат, но руки их не доставали на каких-нибудь пол-аршина.

– Давай руку! Давай! Давай! – кричали они. Тонущий словно бы не слышал. Он не подавал им руки, продолжая равномерно погружаться и снова выныривать. В соответствии с его странствиями на дно и обратно по водоему расходились ленивые волны и с тихим плеском лизали берег.

– Странно! – сказал Ходжа Насреддин, наблюдая. – Очень странно! Какая может быть причина этому? Почему он не протягивает руки? Может быть, он искусный водолаз и ныряет на спор, но почему тогда он в халате?

Ходжа Насреддин задумался. Пока он думал, тонущий успел вынырнуть раза четыре, причем с каждым разом пребывал на дне все дольше и дольше.

– Очень странно! – повторил Ходжа Насреддин, спешиваясь. – Обожди здесь, – обратился он к ишаку, – а я подойду взглянуть поближе.

Тонущий в это время погрузился глубоко и не показывался так долго, что некоторые на берегу начали уже творить заупокойные молитвы. Но вдруг он показался опять.

– Давай руку! Давай! Давай! – закричали люди, протягивая к нему руки, но он, посмотрев белыми глазами и не протянув руки, опять пошел безмолвно и плавно ко дну.

– Ах, вы, недогадливые чудаки! – сказал Ходжа Насреддин. – Разве не видите вы по дорогому халату и по шелковой чалме, что этот человек – мулла или богатый вельможа? И неужели вы до сих пор не изучили характера мулл и вельмож и не знаете, каким способом надо вытаскивать их из воды?

– Вытаскивай скорее, если ты знаешь! – закричали в толпе. – Спасай его, он показался. Вытаскивай!

– Подождите, – ответил Ходжа Насреддин. – Я не закончил еще своей речи. Где, спрашиваю я вас, встречали вы муллу или вельможу, который когда-нибудь что-нибудь кому-нибудь давал? Запомните, о невежды: муллы и вельможи никогда ничего не дают, они только берут. И спасать их из воды надо соответственно их характеру. Вот, смотрите!

– Но ты уже опоздал! – кричали из толпы. – Он уже не вынырнет больше.

– Вы думаете, что водяные духи так легко примут к себе муллу или вельможу? Вы ошибаетесь. Водяные духи постараются всеми силами избавиться от него.

Ходжа Насреддин присел на корточки и стал терпеливо ждать, наблюдая за пузырями, что восходили со дна и плыли к берегу, подгоняемые легким ветром.

Наконец что-то темное стало подниматься из глубины. Тонуший показался на поверхности – в последний раз, если бы не Ходжа Насреддин.

– На! – крикнул Ходжа Насреддин, сунув ему руку. – На!

Тонуший судорожно вцепился в протянутую руку. Ходжа Насреддин поморщился от боли.

И потом на берегу долго не могли разжать пальцев спасенного.

Несколько минут лежал он без движения, окутанный водорослями и облепленный зловонной тиной, скрывавшей черты его лица. Потом изо рта, из носа, из ушей у него хлынула вода.

– Сумка! Где моя сумка? – простонал он и не успокоился до тех пор, пока не нащупал на боку сумку. Тогда он стряхнул с себя водоросли и полой халата вытер тину с лица. И Ходжа Насреддин отшатнулся: настолько безобразно было это лицо с плоским перешибленным носом и вывернутыми ноздрями, с бельмом на правом глазу. Вдобавок он был еще и горбат.

– Кто мой спаситель? – спросил он скрипучим голосом, обводя столпившихся людей своим единственным оком.

– Вот он! – загудели все, выталкивая вперед Ходжу Насреддина.

– Подойди сюда, я вознагражу тебя. – Спасенный запустил руку в свою сумку, где еще хлюпала вода, и достал горсть мокрого серебра. – Впрочем, в том, что ты меня вытащил, нет ничего особенного и удивительного, я, пожалуй, и сам бы выплыл, – продолжал он сварливым голосом.

Пока он говорил, горсть его – от слабости ли, а может быть, и по другой причине – постепенно разжималась, и деньги с тихим звоном текли сквозь пальцы обратно в сумку. Наконец, в руке осталась одна монета – полтаньга; он со вздохом протянул монету Ходже Насреддину:

– Вот тебе деньги. Пойди на базар и купи миску плова.

– Здесь не хватит на миску плова, – сказал Ходжа Насреддин.

– Ничего, ничего. А ты возьми плов без мяса.

– Теперь вам понятно, – обратился Ходжа Насреддин к остальным, – что я спасал его действительно в полном соответствии с его характером.

Он направился к своему ишаку.

На пути остановил его человек – высокий, тощий, жилистый, угрюмого и неприветливого вида, с руками, черными от угля и копоти, с кузнечными клещами за поясом.

– Что тебе, кузнец? – спросил Ходжа Насреддин.

– Знаешь ли ты, – ответил кузнец, смерив Ходжу Насреддина с ног до головы недобрым взглядом, – знаешь ли ты, кого спас в самую последнюю минуту, после которой его никто бы уже не спас? И знаешь ли ты, сколько слез прольется теперь из-за твоего поступка и сколько людей потеряют свои дома, поля и виноградники и пойдут на невольничий рынок, а потом – в цепях – по Большой Хивинской дороге?

Ходжа Насреддин воззрился на него с удивлением:

– Я не понимаю тебя, кузнец! Разве достойно человека и мусульманина пройти мимо тонущего, не протянув ему руку помощи?

– Что же, по-твоему, надо спасать от гибели всех ядовитых змей, всех гиен и каждую ехидну? – воскликнул кузнец и вдруг, сообразив что-то, добавил: – Да здешний ли ты?

– Нет! Я приехал издалека.

– Значит, ты не знаешь, что спасенный тобой человек – злодей и кровопийца, и каждый третий человек в Бухаре стонет и плачет из-за него!

Страшная догадка мелькнула в голове Ходжи Насреддина.

– Кузнец! – сказал он дрогнувшим голосом, боясь поверить в свою догадку. – Скажи мне имя спасенного мною!

– Ты спас ростовщика Джафара, да будет он проклят и в этой и в будущей жизни, и да поразят гнойные язвы все его племя до четырнадцатого колена! – ответил кузнец.

– Как! – вскричал Ходжа Насреддин. – Что ты говоришь, кузнец! О горе мне, о позор на мою голову! Неужели я своими руками вытащил из воды эту змею! Поистине, нет искупления такому греху! О горе, о позор и несчастье!

Его раскаяние тронуло кузнеца, он немного смягчился:

– Успокойся, путник, теперь уж ничего не поделаешь. И надо же было тебе подъехать как раз в эту минуту к водоему. И почему твой ишак не запрягся где-нибудь и не задержался в дороге! За это время ростовщик как раз успел бы потонуть.

– Этот ишак! – сказал Ходжа Насреддин. – Если он и задерживается в дороге, то для того только, чтобы очистить от денег мои переметные сумки: ему, видишь ли, тяжело возить их с деньгами. А уж если мне предстоит опозорить себя спасением ростовщика, то можешь не сомневаться: этот ишак доставит на место как раз вовремя!

– Да! – сказал кузнец. – Но сделанного не воротишь. Не загонять же теперь ростовщика обратно в пруд!

Ходжа Насреддин встрепнулся.

– Я совершил нехорошее дело, но я же исправлю его! Слушай, кузнец! Клянусь, что ростовщик Джафар будет утоплен мною. Клянусь бородой моего отца, что он будет утоплен мною в этом же самом пруду! Запомни мою клятву, кузнец! Я никогда еще не говорил на ветер. Ростовщик будет утоплен! И когда ты об этом услышишь на базаре, знай, что я искупил свою вину перед жителями Благородной Бухары!

Глава восьмая

На город уже опускались сумерки, когда Ходжа Насреддин добрался до базарной площади.

Зажигались яркие костры в чайханах, и скоро вся площадь опоясалась огнями. Завтра предстоял большой базар – и один за другим шли мягкой поступью верблюжьих караваны, исчезали в темноте, а воздух был все еще полон мерным, медным и печальным звоном бубенцов; и когда затихали в отдалении бубенцы одного каравана, им на смену начинали стонать бубенцы другого, вступающего на площадь, и это было нескончаемо, словно сама темнота над площадью тихо звенела, дрожала, переполнившись звуками, принесенными сюда со всех концов мира. Здесь, невидимые, стонали бубенцы – индийские и афганские, аравийские, иранские и египетские; Ходжа Насреддин все слушал и слушал и готов был слушать без конца. Рядом в чайхане ударил, загудел бубен, ответили струны дутара. И невидимый певец высоко – под самые звезды – поднял звенящий, напряженный голос: он пел о своей возлюбленной, он жаловался на нее.

Под эту песню пошел Ходжа Насреддин искать ночлега.

– У нас на двоих с ишаком есть полтаньга, – сказал он чайханщику.

– Можешь переночевать на кошке за полтаньга, – ответил чайханщик. – Одежда не получишь.

– А где мне привязать ишака?

– Вот еще, буду я заботиться о твоём ишаке.

Коновязи около чайханы не было. Ходжа Насреддин заметил какую-то железную скобу, торчавшую из-под помоста. К этой скобе он и привязал ишака, не потрудившись посмотреть, к чему же приделана скоба, потом вошел в чайхану и улегся: он очень устал.

Сквозь дрему он услышал вдруг свое имя. Он приоткрыл глаза.

Неподалеку сидели, собравшись в кружок, и пили чай какие-то люди, приехавшие на базар, – погонщик, пастух и два ремесленника. Один из них вполголоса говорил:

– Рассказывают еще так о Ходже Насреддине: однажды в Багдаде шел он по базару и вдруг услышал шум и крик, доносившийся из харчевни. Наш Ходжа Насреддин, как вам известно, человек любопытный – он заглянул в харчевню. И видит, что толстый, красномордый харчевник трясет за шиворот какого-то нищего и требует денег, а нищий не хочет платить.

«Что за шум? – спрашивает наш Ходжа Насреддин. – Что вы не поделили?»

«Вот этот бродяга, – закричал в ответ харчевник, – этот презренный оборванец и жулик зашел сейчас в мою харчевню, да отсохнут все его внутренности, вынул из-за пазухи лепешку и долго держал ее над жаровней, пока лепешка не пропиталась насквозь запахом шашлыка и не стала от этого вдвое вкуснее. Потом этот нищий сожрал лепешку, а теперь не хочет платить, да выпадут все его зубы и облезет кожа!»

«Это правда?» – строго спросил наш Ходжа Насреддин у нищего, который не мог от страха вымолвить слова и только кивнул в ответ головой.

«Нехорошо, – сказал Ходжа Насреддин. – Очень нехорошо пользоваться бесплатно чужим добром».

«Ты слышишь, оборванец, что тебе говорит этот почтенный и достойный человек!» – обрадовался харчевник.

«У тебя есть деньги?» – обратился Ходжа Насреддин к нищему. Тот молча достал из кармана последние медяки. Харчевник уже протянул свою жирную лапу за ними.

«Подожди, о почтенный! – остановил его Ходжа Насреддин. – Давай-ка сначала сюда твое ухо».

И он долго звенел зажатыми в кулаке деньгами над самым ухом харчевника. А потом, вернув деньги нищему, сказал:

«Иди с миром, бедный человек!»

«Как! – закричал харчевник. – Но я не получил платы!»

«Он заплатил тебе полностью, и вы в расчете, – ответил наш Ходжа Насреддин. – Он нюхал, как пахнет твой шашлык, а ты слышал, как звенят его деньги».

Все в чайхане так и покатились со смеху. Один поспешно предупредил:

– Тише. А то сразу догадаются, что мы говорим о Ходже Насреддине.

«Откуда они только знают? – улыбался про себя Ходжа Насреддин. – Это, правда, было не в Багдаде, а в Стамбуле, но все равно – откуда они знают?»

Начал вполголоса рассказывать второй – в одежде пастуха и в цветной чалме, что выдавало в нем жителя Бадахшана:

– Рассказывают еще и так. Однажды Ходжа Насреддин шел мимо огорода муллы. Мулла как раз собирал в мешок тыквы и по жадности нагрузил мешок так, что не мог даже и поднять его, не только нести. Вот стоит он и думает: «Как же доставить мешок домой?» Увидел прохожего и обрадовался:

«Послушай, сын мой. Не возьмешься ли ты донести до моего дома этот мешок?»

А у Ходжи Насреддина как раз не было денег.

«А сколько ты мне заплатишь?» – спросил он муллу.

«О сын мой! На что тебе деньги? Пока ты будешь нести тыквы, я по дороге поведаю тебе три премудрости, и они сделают тебя счастливым на всю жизнь».

«Интересно, какие премудрости обещает открыть мне мулла?» – думает про себя наш Ходжа Насреддин.

Его разобрало любопытство. Он взвалил на плечи мешок и понес. А дорога круто поднималась в гору и шла над обрывом. Когда Ходжа Насреддин остановился отдохнуть, мулла сказал с таинственным и важным видом:

«Слушай первую премудрость, и большей не было в мире никогда со времен Адама, и если ты постигнешь всю глубину ее, то это будет равносильно познанию тайного смысла букв – Алиф, Лам, Ра, которыми Магомет, пророк и учитель наш, открывает вторую суру Корана. Слушай внимательно: если кто-нибудь тебе скажет, что ходить пешком лучше, чем ездить верхом, ты не верь этому человеку. Запомни мои слова и думай над ними неотступно днем и ночью – и тогда ты постигнешь заключающуюся в них премудрость. Но эта премудрость – ничто в сравнении со второй премудростью, которую я тебе поведаю вон у того дерева. Видишь – во-он впереди!»

«Ладно! – думает про себя Ходжа Насреддин. – Погоди, мулла!»

Обливаясь потом, он дотащил мешок до дерева.

Муллу поднял палец:

«Открой свои уши и внимай, ибо вторая премудрость включает в себя весь Коран и половину шариата и еще одну четверть книги Тариката. И постигший эту премудрость никогда не сойдет с пути добродетели и никогда не оступится на дороге истины. Постарайся же, о сын мой, понять эту премудрость и радуйся, что получил ее бесплатно. Вторая премудрость гласит: если тебе кто-нибудь скажет, что бедному легче жить, чем богатому, ты не верь этому человеку. Но даже и эта вторая премудрость – ничто рядом с третьей, сияние которой можно сравнить только с ослепительным блеском солнца и глубину которой можно сравнить только с глубиной океана. Третью премудрость я поведаю тебе у ворот моего дома. Идем скорее, ибо я уже отдохнул».

«Подожди, мулла! – отвечает наш Ходжа Насреддин. – Я наперед знаю твою третью премудрость. Ты хочешь у ворот своего дома сказать мне, что умный человек всегда может заставить глупца бесплатно тащить мешок с тыквами».

Пораженный мулла отшатнулся. Ходжа Насреддин слово в слово угадал его третью премудрость.

«Но послушай теперь, мулла, мою одну-единственную премудрость, которая стоит всех твоих, – продолжал Ходжа Насреддин. – И моя премудрость, клянусь Магометом, столь ослепительна и столь глубока, что включает в себя весь ислам с Кораном, шариатом, книгой Тариката и всеми другими книгами, и всю буддийскую веру, и всю иудейскую веру, и все христианские заблуждения. Нет, никогда не было и не будет впредь премудрости более достоверной, чем та, которую я поведаю тебе сейчас, о мулла! Но приготовься, чтобы не поразила тебя слишком эта премудрость, ибо от нее легко потерять рассудок – настолько она поразительна, ослепительна и необъятна. Подготовь же свой рассудок, мулла, и слушай: если кто-нибудь скажет тебе, что эти вот самые тыквы не разбились – плюнь в лицо тому человеку, назови его лжецом и прогони из дома!»

С этими словами Ходжа Насреддин поднял мешок и бросил вниз с крутого обрыва.

Тыквы сыпались из мешка, прыгали и звучно раскалывались, налетая на камни.

«О, горе мне! О, великий убыток и разорение!» – закричал мулла.

И начал он кричать, причитать, царапать лицо и всем своим видом вполне походил на безумного.

«Вот видишь! – поучительно молвил Ходжа Насреддин. – Ведь я предупреждал, что от моей премудрости рассудок твой может легко помутиться!»

Слушавшие залились веселым смехом.

Ходжа Насреддин, лежа в углу на пыльной, блохастой кошме, думал:

«Они и это узнали! Но откуда? Ведь нас было только двое над обрывом, и я никому не рассказывал. Вероятно, рассказал сам мулла, догадавшись впоследствии, кто тащил его тыквы».

Начал третий рассказчик:

– Однажды Ходжа Насреддин возвращался из города в турецкую деревню, где тогда жил; почувствовав себя утомленным, он лег отдохнуть на берегу речки – и незаметно уснул, овеваемый благоуханным дыханием весеннего ветерка. И приснилось ему, что он умер. «Если я мертв, – решил про себя наш Ходжа Насреддин, – то я не должен шевелиться и не должен открывать глаза». Так и лежал он долгое время без движения на мягкой траве и нашел, что быть мертвым не так уж плохо: лежи себе да лежи безо всяких забот и хлопот, что неотступно преследуют нас в нашем земном, брэнном существовании.

Мимо шли какие-то путники, увидели Ходжу Насреддина.

«Смотрите! – сказал один. – Это мусульманин».

«Он мертв», – добавил второй.

«Надо отнести его в ближайшую деревню, чтобы его там обмыли и похоронили достойно», – предложил третий, назвав как раз ту самую деревню, куда направлялся Ходжа Насреддин.

Путники срубили несколько молодых деревьев, устроили носилки и взвалили на них Ходжу Насреддина.

Они долго несли его, а он лежал без движения, не открывая глаз, как и подобает мертвецу, душа которого стучится уже в двери рая.

Вдруг носилки остановились. Путники начали спорить – где брод. Один звал направо, второй налево, третий предлагал идти через речку напрямик.

Ходжа Насреддин приоткрыл чуть-чуть один глаз и увидел, что путники стоят перед самым глубоким, быстрым и опасным местом реки, где уже не раз тонули неосторожные. «О себе самом я не беспокоюсь, – подумал Ходжа Насреддин. – Я все равно мертв, и мне безразлично теперь, где лежать – в могиле или на речном дне. Но этих путников следует

предупредить, иначе они из-за своего внимания ко мне могут лишиться жизни, что было бы с моей стороны чистой неблагодарностью».

Он приподнялся на носилках и, указывая рукой в сторону брода, произнес слабым голосом:

«О путники, когда я был жив, то всегда переходил эту речку вон у тех тополей».

И он опять закрыл глаза. Путники, поблагодарив Ходжу Насреддина за указание, потащили носилки дальше, читая громко молитвы о спасении его души.

Пока слушавшие да и сам рассказчик хохотали, подталкивая друг друга локтями, Ходжа Насреддин с неудовольствием бормотал:

– Все переврали. Во-первых, мне не приснилось, что я умер. Не такой уж я дурак, чтобы не отличить самого себя живого от самого себя мертвого. Я даже хорошо помню, что меня все время кусала блоха и мне отчаянно хотелось почесаться, – разве это не доказывает с полной очевидностью, что я был действительно жив, ибо в противоположном случае я, конечно, не мог бы чувствовать укусов блохи. Просто я устал, и мне не хотелось идти, а эти путники были ребята здоровые: что им стоило сделать небольшой крюк и отнести меня в деревню? Но когда они решили переходить реку там, где глубина была в три человеческих роста, я их остановил, заботясь впрочем, не столько о своей семье, ибо у меня ее нет, сколько об их семьях. И сейчас же я испробовал горького плода неблагодарности: вместо того чтобы сказать мне спасибо за своевременное предупреждение, они вытряхнули меня из носилок, бросились на меня с кулаками – и наверняка сильно бы избили меня, если бы не резвость моих ног!.. Удивляюсь, до чего могут люди исказить и перевернуть действительно случившееся.

Между тем четвертый начал свой рассказ:

– И говорят еще о Ходже Насреддине такое. Он, Ходжа Насреддин, жил около полугода в одной деревне и весьма прославился между жителями находчивостью в ответах и остроумием своего ума...

Ходжа Насреддин насторожился. Где слышал он этот голос – негромкий, но внятный, с едва заметной хрипотцой? И совсем недавно... Может быть, даже сегодня... Но как ни старался, вспомнить не мог.

Рассказчик продолжал:

– Губернатор той области направил однажды в деревню, где жил Ходжа Насреддин, одного из своих слонов на постой и прокормление от жителей. Слон был неописуемо прожорлив. Он съедал за одни сутки пятьдесят мер ячменя, пятьдесят мер джугары, пятьдесят мер кукурузы и сто снопов свежего клевера. Через две недели жители деревни скормили слону все свои запасы, разорились и впали в уныние. И решили, наконец, послать Ходжу Насреддина к самому губернатору с просьбой, чтобы слона убрали из деревни...

И вот они пошли к Ходже Насреддину, стали его просить, он согласился, оседлал своего ишака, который, как это известно всему миру, своим упрямством, злонравием и леностью подобен шакалу, пауку, гадюке и лягушке, слитым воедино, и, оседлав его, отправился к губернатору, причем не забыл уговориться заранее с жителями о плате за свое дело, и плату назначил столь большую, что многие были вынуждены продать свои дома и остались нищими по милости Ходжи Насреддина.

– Кгм! – донеслось из угла. Это Ходжа Насреддин, ворочавшийся и подпрыгивавший на кошке, с трудом удерживал kloкочущую в груди ярость.

Рассказчик продолжал:

– И он, Ходжа Насреддин, пришел во дворец и долго стоял в толпе слуг и приживалов, ожидая, когда сиятельный губернатор, блистающий великолепием и мощью, подобно солнцу, соблаговолит обратить к нему свой пресветлый взор, изливающий на одних – счастье, а на других – гибель. И когда губернатор, сверкающий среди окружавших его, как серебристая луна среди звезд или стройный благоуханный кипарис среди низкорослого

кустарника, соблаговолил осчастливить Ходжу Насреддина и обратил к нему свой лик, на котором благородство и мудрость сочетались, как рубин и алмаз в одном перстне, когда, говоря я, губернатор обратил к нему свой лик, то от страха и удивления перед таким великолепием колени Ходжи Насреддина затряслись, как шакалий хвост, и кровь стала медленнее ходить в жилах, он весь покрылся потом и сделался бледен как мел.

– Кгм! – донеслось из угла, но рассказчик не обратил на это внимания и продолжал:

«Что ты хочешь?» – спросил губернатор благородным и звучным голосом, напоминающим рыкание льва.

Ходжа Насреддин от страха едва владел языком; голос его звучал визгливо, как лай зловонной гиены.

«О владыка! – ответил Ходжа Насреддин. – О свет нашей области, и солнце ее, и луна ее, и податель счастья и радости всему живущему в нашей области, выслушай своего презренного раба, недостойного даже вытирать своей бородой порог твоего дворца. Ты, о сиятельный, милостиво соизволил поместить у нас в деревне одного из твоих слонов на постой и прокормление от жителей. Так вот мы немного недовольны».

Губернатор грозно сдвинул брови и стал подобен громоносящей туче, а Ходжа Насреддин склонился перед ним до земли, как тростник перед бурей.

«Чем же вы недовольны? – спросил губернатор. – Да говори скорее! Или язык твой присох к твоей грязной и подлой гортани?!»

«А... ва... ва... – залепетал трусливый Ходжа Насреддин. – Мы недовольны, пресветлый повелитель, тем, что слон один-одинешенек и очень скучает. Бедное животное совсем истомилось, и все жители, глядя на его тоску, истомились и извелись. Вот меня и послали к тебе, о благороднейший из благородных, украшающий собою землю, просить, чтобы соизволил ты оказать нам еще одну милость и прислал бы к слону слоницу на постой и прокормление от жителей».

Губернатор остался премного доволен такой просьбой и приказал ее сейчас же исполнить, причем в знак своей милости к Ходже Насреддину позволил ему поцеловать свой сапог, что Ходжа Насреддин немедленно выполнил с усердием столь великим, что сапог губернатора порыжел, а губы Ходжи Насреддина почернели...

Но в этот миг рассказчик был прерван громовым голосом самого Ходжи Насреддина.

– Ты лжешь! – вскричал Ходжа Насреддин. – Ты лжешь, о бесстыдный, сам похожий на помесь шакала, паука, гадюки и лягушки! Это твои губы, грязный, шелудивый пес, и язык твой, и все внутренности черны от лизания сапог властелинов! Но Ходжа Насреддин никогда и нигде еще не склонялся перед властелинами! Ты клеветал на Ходжу Насреддина! Не слушайте его, о мусульмане, гоните его, как лжеца и очернителя белизны, и пусть презрение будет его уделом. О мусульмане, отвратите от него глаза и сердца ваши!

Он кинулся вперед, чтобы собственноручно расправиться с клеветником, и вдруг остановился, узнав рябое, плоское лицо и желтые беспокойные глаза. Это был тот самый слуга, который спорил с ним в переулке из-за длины перил на загробном мосту.

– Ага! – вскричал Ходжа Насреддин. – Я узнал тебя, о преданный и благочестивый слуга своего господина! И теперь я знаю, что у тебя есть еще один хозяин, имя которого держишь ты втайне! А скажи-ка, сколько платит тебе эмир за поношение в чайханах Ходжи Насреддина? Сколько платят тебе за доносы, сколько платят с головы каждого преданного тобой, и казненного, и брошенного в подземную тюрьму, и закованного в цепи, и проданного в рабство? Я узнал тебя, эмирский шпион и доносчик!

Шпион, до сих пор стоявший неподвижно, глядя со страхом на Ходжу Насреддина, вдруг ударил в ладоши и закричал тонким голосом:

– Стража, сюда!

Ходжа Насреддин услышал, как бежит в темноте стража, гремят копья, звенят щиты. Не теряя времени, он прыгнул в сторону, сбив на землю рябого шпиона, преграждавшего путь.

Но здесь он услышал топот стражников, бежавших с другого конца площади.

Куда бы ни бросался он – повсюду натыкался на стражу. И была минута, когда он думал, что уже не вырвется.

– Горе мне! Я попался! – громким голосом закричал он. – Прощай мой верный ишак!

Но здесь произошло неожиданное и удивительное событие, память о котором до сих пор жива в Бухаре и никогда не умрет, ибо велико было смятение и велики разрушения.

Ишак, услышав горестные возгласы своего хозяина, направился к нему, но следом потащился из-под помоста огромный барабан. Ходжа Насреддин, не разобрав в темноте, привязал ишака к железной скобе барабана, которым чайханщик созывал по большим праздникам гостей в свою чайхану. Барабан зацепился за камень и грохнул; ишак оглянулся, а барабан грохнул еще – и тогда ишак, вообразив, что это злые духи, расправившись с Ходжой Насреддином, подбираются теперь и к его серой шкуре, в ужасе заревел, поднял хвост и кинулся бежать через площадь.

– Проклятие! Мой барабан! – завопил чайханщик, кидаясь в погоню.

Тщетно! Ишак мчался как ветер, как буря, но чем быстрее он мчался, тем яростнее, ужаснее и оглушительнее грохотал сзади барабан, подпрыгивая на камнях и кочках. Люди в чайханах всполошились, начали тревожно перекликаться, спрашивать – почему так гудит в неположенный час барабан, что случилось?

А в это время на площадь как раз вступали последние пятьдесят верблюдов, груженные посудой и листовой медью. Увидев несущееся на них в темноте что-то страшное, ревущее, круглое, прыгающее и грохочущее, верблюды обезумели от ужаса и бросились врассыпную, роняя посуду и гремящую медь.

Через минуту вся площадь и все прилегающие улицы были охвачены великим ужасом и небывалым смятением: грохот, звон, гром, ржание, рев, лай, вой, треск и дребезжание – все это сливалось в какой-то адский гул, и никто не мог ничего понять; многие сотни верблюдов, лошадей, ишаков, сорвавшихся с привязи, носились во мраке, гремя по разбросанным всюду медным листам, а погонщики вопили и метались, размахивая факелами. От страшного шума люди просыпались, вскакивали и полуголые бежали, сами не зная куда, наталкиваясь друг на друга, оглашая темноту криками отчаяния и скорби, так как думали, что настал конец света. Заорали и захлопали крыльями петухи. Смятение росло, охватывая весь огромный город до самых окраин, – и вот ударили пушки на городской стене, ибо городская стража решила, что в Бухару ворвался неприятель, и ударили пушки во дворце, ибо дворцовая стража решила, что начался бунт; со всех бесчисленных минаретов понеслись надрывные, тревожные голоса муэдзинов, – все перемешалось, и никто не знал, куда бежать и что делать! А в самой кромешной гуще, ловко увертываясь от обезумевших лошадей и верблюдов, бежал Ходжа Насреддин, преследуя по грохоту барабана своего ишака, но так и не мог поймать, пока не оборвалась веревка и барабан не отлетел в сторону, под ноги верблюдам, которые ринулись от него, сокрушая с треском навесы, сараи, чайханы и лавки.

Долго бы пришлось Ходже Насреддину ловить ишака, если бы они не столкнулись случайно нос к носу. Ишак был весь в мыле и дрожал.

– Пойдем, пойдем скорее, здесь что-то чересчур шумно для нас, – сказал Ходжа Насреддин, утаскивая за собой ишака. – Удивительно, что может натворить в большом городе один маленький ишак, если к нему привязать барабан! Полюбуйся, что ты наделал! Правда, ты спас меня от стражников, но я все-таки жалею бедных жителей Бухары: им хватит теперь разбираться до утра. Где же найти нам тихий, уединенный уголок?

Ходжа Насреддин решил переночевать на кладбище, справедливо рассудив, что какое бы ни поднялось смятение, усопшие все равно не будут бегать, вопить, кричать и размахивать факелами.

Так Ходжа Насреддин, возмутитель спокойствия и сеятель раздоров, закончил, вполне достойно своего титула, первый день пребывания в родном городе. Привязав к одному из надгробий ишака, он удобно устроился на могиле и скоро уснул. А в городе еще долго продолжалось смятение – шум, гул, крики, звон и пушечная пальба.

Глава девятая

Но как только забрезжил рассвет, потускнели звезды и выступили из темноты неясные очертания предметов, на площадь вышли многие сотни метельщиков, мусорщиков, плотников и глинобитчиков; они дружно взялись за работу: подняли опрокинутые навесы, починили мосты, заделали проломы в заборах, собрали все щепки и черепки, – и первые лучи солнца уже не застали в Бухаре никаких следов ночного смятения.

И начался базар.

Когда Ходжа Насреддин, хорошо выспавшийся в тени могильного памятника, приехал на площадь, она уже вся гудела, волновалась и двигалась, затопленная из конца в конец разноплеменной, разноязычной, многоцветной толпой. «Дорогу! Дорогу!» – кричал Ходжа Насреддин, но даже сам с трудом различал свой голос в тысячах других голосов, ибо кричали все: купцы, погонщики, водоносы, цирюльники, бродячие дервиши, нищие, базарные зубодеры, потрясавшие ржавыми и страшными орудиями своего ремесла. Разноцветные халаты, чалмы, попоны, ковры, китайская речь, арабская, индусская, монгольская и еще множество всяких наречий – все это слилось воедино, качалось, двигалось, гудело, и поднималась пыль, и замутилось небо, а на площадь бесконечными потоками прибывали новые сотни людей, раскладывали товары и присоединяли свои голоса к общему реву. Гончары выбивали палочками звонкую дробь на своих горшках и хватали прохожих за полы халатов, уговаривая послушать и, пленившись чистотой звона, купить; в чеканном ряду нестерпимо для глаз сияла медь, воздух стонал от говора маленьких молоточков, которыми мастера выбивали узоры на подносах и кувшинах, расхваливая громкими голосами свое искусство и понося искусство соседей. Ювелиры плавил в маленьких горнах серебро, тянули золото, шлифовали на кожаных кругах драгоценные индийские самоцветы, легкий ветер порой доносил сюда густую волну благоуханий из соседнего ряда, где торговали духами, розовым маслом, амброй, мускусом и различными пряностями; в сторону уходил нескончаемый ковровый ряд – пестрый, узорный, цветастый, разукрашенный персидскими, дамасскими, текинскими коврами, кашгарскими паласами, цветными попонами, дорогами и дешевыми, для простых коней и для благородных.

Потом Ходжа Насреддин миновал шелковый ряд, седельный, оружейный и красильный ряды, невольничий рынок, шерстобитный двор – и все это было только началом базара, а дальше тянулись еще сотни различных рядов; и чем глубже в толпу пробивался на своем ишаке Ходжа Насреддин, тем оглушительнее вопили, кричали, спорили, торговались вокруг; да, это был все тот же базар, знаменитый и несравненный бухарский базар, равного которому не имели в то время ни Дамаск, ни самый Багдад!

По вот ряды кончились, и глазам Ходжи Насреддина открылся эмирский дворец, обнесенный высокой стеной с бойницами и зубчатым верхом. Четыре башни по углам были искусно облицованы разноцветной мозаикой, над которой долгие годы трудились арабские и иранские мастера.

Перед воротами дворца раскинулся пестрый табор. В тени изодранных навесов лежали и сидели на камышовых циновках люди, истомленные духотой, – одинокие и со своими семьями; женщины укачивали младенцев, варили пищу в котлах, штопали рваные халаты и одеяла; всюду бегали полуголые ребятишки, кричали, дрались и падали, весьма непочтительно обращая ко дворцу ту часть тела, которая неприлична для созерцания. Мужчины спали, или занимались различными домашними делами, или беседовали между собой, усевшись вокруг чайников. «Эге! Да эти люди живут здесь не первый день!» – подумал Ходжа Насреддин.

Его внимание привлекли двое: плешивый и бородатый. Они, повернувшись спинами друг к другу, лежали прямо на голой земле, каждый под своим навесом, а между ними была привязана к тополевому колышку белая коза, до того тощая, что ее ребра грозили прорвать облезшую шкуру. Она с жалобным блеянием глодала колышек, объединенный уже до половины.

Ходжа Насреддин был очень любопытен и не мог удержаться от вопроса:

– Мир вам, жители Благородной Бухары! Скажите мне, давно ли вы перешли в цыганское сословие?

– Не смейся над нами, о путник! – ответил бородатый. – Мы не цыгане, мы такие же добрые мусульмане, как ты сам.

– Почему же вы не сидите дома, если вы добрые мусульмане? Чего вы ждете здесь перед дворцом?

– Мы ждем справедливого и многомилостивого суда эмира, нашего владыки, повелителя и господина, затмевающего своим блеском самое солнце.

– Так! – сказал Ходжа Насреддин, не скрывая насмешки. – И давно вы ждете справедливого и многомилостивого суда эмира, вашего владыки, повелителя и господина, затмевающего своим блеском самое солнце?

– Мы ждем уже шестую неделю, о путник! – вмешался плешивый. – Вот этот бородатый сутяга – да покарает его аллах, да подстелет шайтан свой хвост на его ложе! – этот бородатый сутяга – мой старший брат. Наш отец умер и оставил нам скромное наследство, мы разделили все, кроме козы. Пусть эмир рассудит, кому из нас она должна принадлежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.